

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассматриваются функции языка как фактор социальной идентичности. Показано, что язык может играть двойную роль: быть социальным интегратором, но при этом служить разъединению и противопоставлению воображаемых сообществ. Указывается на то, что язык может выступать в качестве одного из ключевых факторов национального строительства Нового времени.

Ключевые слова: язык; нация; национализм; воображаемые сообщества; идентичность.

LANGUAGE AS A FACTOR OF INTEGRATING AND DISINTEGRATING HUMAN COMMUNITIES

V. V. SHIMOV^a

^a*Belarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

The functions of the language are considered as a factor of social identity. It is shown that the language can play a dual role: being a social integrator but serving separation and confrontation of imagined communities. The language is viewed as a key factor for the nation building under Modern time.

Key words: language; nation; nationalism; imagined communities; identity.

В мире воображаемых сообществ: свои против чужих

Человеческая цивилизация – это антропогенная среда, созданная человеком в собственных целях и для собственных потребностей. Однако построение цивилизации предполагает наличие мощной ресурсной базы, и чем дальше заходит прогресс цивилизации, тем больших ресурсов она требует. Под ресурсами здесь понимается не только необходимое сырье, извлекаемое из окружающей среды (природные ресурсы), но и технологии его преобразования в полезные для человека объекты, а также сам человек (человеческие ресурсы), без интеллекта и физической силы которого невозможно ни извлечение, ни преобразование, ни использование этого сырья.

Соответственно, одним из главнейших вопросов человеческой истории был и остается вопрос владения ресурсами, являющийся причиной большинства войн и конфликтов. Формирование групповых идентичностей по принципу «свой – чужой» также в значительной степени основано на совместном владении и пользовании ресурсами. «Свои» – это те, с кем мы

Образец цитирования:

Шимов В. В. Язык как фактор интеграции и дезинтеграции человеческих сообществ // Социология. 2016. № 3. С. 78–84.

For citation:

Shimov V. V. Language as a factor of integrating and disintegrating human communities. *Sotsiologiya*. 2016. No. 3. P. 78–84 (in Russ.).

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
shimoff@rambler.ru

совместно владеем и пользуемся ресурсами, извлекая из этого коллективное благо. «Чужие» – те, кто не входит в наше сообщество, т. е. не имеет прав на наши ресурсы и связанные с ними блага. Более того, «чужие» представляют собой источник потенциальной угрозы, т. е. могут посягнуть на наши ресурсы. Поэтому вполне закономерным явлением межчеловеческих отношений становится ксенофобия – комплекс настроенно-враждебного отношения к «чужакам».

Первоначально формирование подобных групповых идентичностей происходило на кровнородственной основе, ведь семья – это первичный, базовый социальный институт, основанный на самых естественных связях между людьми – родственных. Поэтому круг «своих», владеющих совместными ресурсами и имуществом, изначально определялся по принадлежности к родовому сообществу. Кровнородственные связи в вопросах собственности на материальные ресурсы продолжают играть важную роль и в наши дни.

Однако по мере вовлечения в сферу пользования людей все большего объема и разнообразия ресурсов возникала потребность в формировании более широких сообществ, где круг «своих» уже не мог определяться на основе исключительно кровного родства. Возникают воображаемые сообщества (в терминологии Б. Андерсона), т. е. многочисленные неконтактные группы, большинство членов которых непосредственно не знакомы, однако при этом идентифицируют друг друга как «своих».

Формирование таких воображаемых сообществ предполагает выработку неких маркеров, по которым безошибочно происходит опознание «своих» и «чужих». Эти маркеры могут быть различными и варьировать от эпохи к эпохе (язык, этническое происхождение, религия, социальный статус). Нередко такие идентичности накладываются друг на друга, формируя сложную и нелинейную картину социальных отношений.

Можно говорить о горизонтальных сообществах, «горизонтальных братствах», объединяющих людей в рамках той или иной общности поверх социальных (классовых) барьеров [1]. К примеру, это может быть этническая или религиозная общность. Однако в рамках таких горизонтальных сообществ неизбежно происходит вертикальная, или классовая, стратификация, связанная с неравным доступом к ресурсам и благам. В горизонтальных сообществах выделяются привилегированные группы, которые формально или неформально контролируют основную долю ресурсов и благ. В результате горизонтальные сообщества распадаются на «вертикальные» классовые субкультуры, обуславливаемые уровнем материального обеспечения и культурного развития, доминирующими видами деятельности, образом жизни и т. п. Вертикальная дифференциация может очень сильно подрывать «горизонтальное братство», порождая острые социальные конфликты внутри него – то, что марксизм описывал в терминах классовой борьбы. Нередко степень взаимного отчуждения вертикальных групп может быть такой, что они начинают ощущать себя частями разных горизонтальных сообществ.

Дробление человечества на разнообразные воображаемые общности, горизонтальные и вертикальные, становится причиной многочисленных войн и конфликтов, различных форм дискриминации и т. п. Ведь идентичность, основанная на разграничении «своих» и «чужих», неизбежно провоцирует групповой эгоизм, часто ставящий интересы «своих» в ущерб интересам «чужаков». Следствие этого – распыление ресурсов, находящихся в распоряжении человеческой цивилизации, между враждующими сообществами, а также растрата человеческой энергии и потенциала на борьбу этих сообществ друг с другом.

Вот почему уже с древних времен людей занимала мечта о справедливом обществе, где блага и ресурсы были бы коллективным достоянием и распределялись между всеми независимо от классовой или этнической принадлежности.

В частности, такую идею всеобщего равенства людей предлагало христианство. Все люди равны перед Богом, и в этом равенстве «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» [2].

Христианство мыслилось как вселенская общечеловеческая религия, сглаживающая как этнические, так и социальные дифференциации. По факту, однако, религия стала еще одним дифференцирующим маркером, который наложился на этнические и классовые идентичности. Во-первых, была положена грань между верующими и «неверными». Во-вторых, сама вселенская религия раздробилась на враждующие конфессии, принадлежность к которым также стала элементом маркировки «своих» и «чужих».

В Новое время преодоление как классовых, так и этнокультурных форм стратификации связывалось с коммунистическими идеями. Машинное производство, как казалось, позволит преодолеть многообразные формы социального угнетения и эксплуатации, а развитие транспортных сообщений и формирование глобального хозяйства – преодолеть этнокультурные барьеры [3].

Само это мировоззрение, основанное на мечте о едином человечестве, которое преодолет расколы на разного рода эгоцентричные воображаемые сообщества, можно определить как космополитизм [4]. Пока космополитическая мечта так и остается мечтой и осуществимость ее дискуссионна. Тем не менее космополитические устремления, направленные на выход за ограничивающие рамки тех или иных воображаемых сообществ и консолидацию людей поверх разделяющих их барьеров, присутствовали в истории человечества с древних времен, ломая устоявшиеся модели идентичностей и запуская процессы формирования новых.

Язык – великий интегратор и великий разделитель

Язык является одним из ключевых факторов формирования групповой идентичности людей. В человеческой истории он играл двоякую, одновременно объединяющую и разделяющую, роль. Язык – основное средство общения между людьми, именно благодаря ему происходит объединение людей в организованные сообщества. В то же время множественность языков и возникающие из-за нее языковые барьеры привели к дроблению человечества на относительно изолированные сообщества, неспособные к непосредственной коммуникации. Таким образом, язык стал одним из ключевых маркеров определения «своих» и «чужих». В силу двоякой роли отношение к языковой раздробленности также могло быть двояким.

Языковой космополитизм опирается на объединяющую функцию языка и направлен на преодоление языковой раздробленности. Логика развития человеческой цивилизации, направленная на расширяющееся и усложняющееся использование ресурсов во все больших территориальных масштабах, требует совместных координированных усилий большого количества людей. В этом контексте языковая раздробленность становится тормозом для развития цивилизации. Люди понимали это уже в древности, что отражено в известном мифе о Вавилонском столпотворении.

Стремление вырваться за ограничивающие рамки языковых барьеров уже в древние времена порождало создание универсальных языков, которые выходили далеко за пределы своих изначальных ареалов, формируя коммуникационные пространства, охватывающие обширные густонаселенные территории. С функционированием и распространением этих универсальных языков было связано формирование великих цивилизаций прошлого: эллинизированные и латинизированные Ближний Восток и Средиземноморье, арабизация того же Ближнего Востока уже в эпоху распространения ислама, консолидация ханьских племен в великую китайскую цивилизацию на основе иероглифической «конфуцианской» письменной традиции и т. п. Возникшие на основе универсальных языков культуры обладали высокой престижностью и привлекательностью, что превращало их в своеобразные «плавильные котлы», в которых частично или полностью ассимилировались многие языки и традиции разнообразных народов, оказавшихся в сфере влияния универсальной культуры.

В Новое время, с экономической глобализацией и развитием средств общения, языковой космополитизм вышел на новый уровень: всерьез начали

обсуждаться перспективы перехода человечества на универсальный всемирный язык, стали разрабатываться проекты искусственных языков, способных претендовать на эту роль.

Язык в своей космополитической ипостаси выступает в качестве разрушителя обособленных групповых идентичностей. Ведь сообщества, ранее изолированные в языковом плане, с переходом на общий язык начинают восприниматься друг другом как «более свои», вплоть до формирования единой идентичности. Разумеется, так происходит не всегда, и часто общность языка не решает проблему взаимной отчужденности и враждебности, если сохраняются иные разобщающие факторы (к примеру, религия). Тем не менее роль языковой ассимиляции как великого интегратора несомненна.

С другой стороны, язык всегда был важным инструментом конструирования разного рода изолированных воображаемых сообществ. В условиях языкового многообразия язык – один из наиболее наглядных дифференцирующих маркеров «своих» и «чужих». Поэтому культивирование языковой обособленности становится важным способом очерчивания границ «своего» сообщества и контролируемых им ресурсов. Здесь, однако, надо всегда учитывать, что язык, как правило, не является единственным, исчерпывающим маркером и находится в сочетании с какими-либо другими дифференцирующими признаками. Кроме того, нельзя забывать о существовании иерархий идентичностей, когда группы, на одном уровне воспринимающие друг друга как «чужих», могут вместе с тем входить в более широкое сообщество «своих» по какому-то иному критерию. Так, «чужие» друг другу в этноязыковом плане группы могут одновременно быть «своими» по религиозной принадлежности. И наоборот, языковая общность может сочетаться с рознью по тому же религиозному критерию. Между такого рода группами будут сложные и нелинейные отношения, ведь силы взаимного притяжения и отталкивания будут находиться в диалектическом единстве.

Язык может выступать дифференцирующим маркером как на уровне горизонтальных (языковые барьеры между этносами), так и на уровне вертикальных сообществ. В последнем случае речь, как правило, идет о домодерных обществах с жесткой социальной иерархией. В таких социумах привилегированные классы стремились подчеркнуть свой статус при помощи особой корпоративной культуры, одним из маркеров которой мог становиться и язык, отличающий аристократов от простолюдинов. В частности, великие космополитические языки древности – греческий, латынь и т. п. – за пределами своих естественных ареалов обретали преимущественно аристократический характер, ассимилируя в первую очередь привилегированные группы населения, воспринимавшие эти языки как маркер социальной престижности – в противовес родным языкам своих этносов, которые, напротив, становились атрибутом низких сословий. Аналогичным образом в Средние века языковая полонизация западнорусской и литовской аристократии или германизация чешской были обусловлены представлениями о сословной престижности польского/немецкого языка. К этому же ряду явлений относится и франкофония русской аристократии XVIII–XIX вв.

В Новое время возникает такое явление, как языковой национализм [5]. Нация становится новым типом воображаемых сообществ с очень жесткой горизонтальной идентичностью. В рамках национального «горизонтального братства» националисты стремились снять классовые барьеры и антагонизмы (или создать иллюзию их снятия), в том числе путем растворения классовых субкультур в рамках тотальной общенациональной культуры. Одним из главнейших маркеров новой идентичности становится национальный язык, имеющий внеклассовый характер и объединяющий социальные низы и верхи. Вместе с тем в отличие от космополитов Нового времени, мечтавших о формировании «горизонтального братства» в общечеловеческом масштабе, националисты мыслят нацию как сообщество, принципиально ограниченное и строящее свою идентичность на противопоставлении себя другим нациям.

В этом контексте особую важность обретает вопрос национальных границ, а одним из ключевых критериев их определения становятся границы распространения «национального» языка.

Безусловно, нельзя забывать о том, что механизмы формирования наций многообразны и языковая общность далеко не всегда становится основой национальной идентичности. Тем не менее языковая нация – одна из наиболее распространенных разновидностей воображаемых сообществ этого типа.

Формирование наций в Европе происходило в процессе слома средневековых социальных иерархий и сословных перегородок и установления горизонтальной солидарности в рамках национальных территорий. Основными выгодополучателями этого становились новые буржуазные элиты, которые благодаря ликвидации сословного неравенства избавлялись от клейма непривилегированного сословия и получали возможность отстранить феодальную аристократию от рычагов политического управления. Буржуазная демократия позволяла капиталистическим элитам занять командные высоты не только в экономике, но и в политике. В то же время принципы равноправия, провозглашенные буржуазными революциями, открывали возможности и для других непривилегированных групп требовать равного участия в распределении социального пирога. Нация как внесословная общность равноправных граждан и формируемые ею демократические органы власти становились основным механизмом согласования интересов разных социальных групп.

Политический полицентризм Европы, сложившийся задолго до Нового времени, предопределил множественность наций и национальных государств. Поэтому установление правильных межнациональных границ становилось особенно принципиальным вопросом, и язык, один из главных маркеров национальной идентичности, играл здесь одну из определяющих ролей.

Проблема, однако, заключалась в том, что языковые границы и идентичности отличались размытостью и нечеткостью, привести их к национальному идеалу было непросто. Национальный язык как унифицированное средство коммуникации создавался вместе с нацией, перемалывая и ассимилируя разговорные диалекты, на которых говорило население объединяемых в нацию территорий. Собственно, именно в рамках национального дискурса возникает сама проблема разграничения понятий «язык» и «диалект».

Языковая нация, как правило, одновременно является этнической. Этнос мыслится как естественно сложившееся горизонтальное сообщество (один из ключевых атрибутов – язык), высшей стадией социально-политического бытия которого и выступает нация. Считается, что этнос предшествует нации, представляет более раннюю стадию ее существования. Однако в реальности этнос как естественная основа нации «изобретается» вместе с последней.

На первый взгляд этнос действительно одна из древнейших социальных общностей в истории человечества. О существовании этносов мы узнаем из многочисленных письменных источников древности и Средневековья. Характерные примеры: упоминавшийся уже миф о Вавилонском столпотворении, миф о происхождении народов от сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета. Однако нельзя забывать о том, что о существовании этносов до Нового времени мы судим по письменным источникам, а письменная культура в довременных обществах являлась, по сути, социальной привилегией и уделом высших социальных слоев. Таким образом, этносы и представления о них были в первую очередь фактом сознания этих немногочисленных относительно общего количества населения социальных групп. По сути, только эти группы и могут быть охарактеризованы как этнически сознательные. Если же говорить об основной массе неграмотных социальных низов, то их представления о своей этнической и языковой принадлежности оставались неопределенными и размытыми. Этому способствовал преимущественно малоподвижный аграрный уклад, ограничивавший кругозор населения ближайшей сельской округой. В подобных социальных условиях представления о таких крупных неконтактных воображаемых сообществах, как этносы, попросту не

имели смысла. Следствием этого становился локализм сознания, белорусская «тутэйшасць», которая фиксировалась в Восточной Европе еще в начале XX в. В рамках этого локального сознания представления о более крупных, неконтактных общностях, к которым принадлежит человек, либо отсутствовали вовсе, либо отличались крайней размытостью и отрывочностью. Как правило, и эти отрывочные представления были получены от представителей вышестоящих социальных групп – духовенства или аристократии.

Неопределенность этнических идентификаций влекла неопределенность и языковых. Свой язык носитель локального сознания обычно определяет как «наш», «здешний», «простой» (в противовес языку образованных социальных групп).

Ситуация усложняется и тем, что этническое сознание социальных верхов (которые, собственно, и продуцировали представления об этносах) также было весьма подвижным. Как уже отмечалось, социальные элиты нередко меняли «свою» этническую, языковую и культурную идентичность на «чужую» по соображениям социального престижа.

Таким образом, этносы до Нового времени представляли собой рыхлые, социально фрагментированные образования с размытыми границами, в рамках которых социальные низы не имели выраженного этнического сознания, а верхи могли идентифицировать себя с другой этнической и языковой общностью.

Таким образом, представления об этносе и этническом языке как объективной основе нации формировались вместе с самой нацией, в процессе национального строительства. Задачей этих представлений было интегрировать различные социальные и территориальные группы в единую общность – нацию. Чувство этнической общности и основанная на ней национальная солидарность должны были разрушить социальные барьеры сословного общества, а также очертить территориальные границы нации.

Национальное строительство, начавшееся на Западе и в той или иной форме затронувшее весь мир, происходило в XVIII–XIX вв. и сопровождалось многочисленными конфликтами как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Демократическая интеграция социальных верхов и низов в рамках нации нередко сопровождалась сопротивлением со стороны первых, не желавших расставаться с привычными сословными привилегиями. Когда верхи принадлежали к «чужой» этноязыковой общности (германизированные/полонизированные/мадьяризированные элиты Богемии, Остзейского края, Литвы, Западной Руси, Словакии), социальный конфликт обретал форму национального. В этих случаях нация, формировавшаяся социальными низами и средними слоями, восставала против предательских элит, в конечном счете изгоняя их со своей территории.

В горизонтальной плоскости главным конфликтогенным фактором становился вопрос о национальных границах и, соответственно, национальной принадлежности тех или иных территорий. Проблемы здесь возникали как в связи со смешанным проживанием разных этнических групп (воспринимаемых как части разных наций) на одной территории, так и со спорностью/неопределенностью их национальной принадлежности. В первом случае итогом таких конфликтов нередко становилась массовая депортация, а то и геноцид «неправильного» населения. Во втором случае речь идет о конкуренции альтернативных национальных проектов, претендующих на одни и те же территории и их население. Подобная ситуация может возникнуть из-за неочевидности статуса друг относительно друга близкородственных этнических групп, проживающих на сопредельных территориях, когда различия между этими группами могут быть истолкованы как вариации в рамках единой этнонациональной общности или как маркеры принадлежности к разным этносам и, соответственно, нациям.

Языковой вопрос в таких ситуациях обретает одну из главенствующих ролей. Национальный язык сам по себе искусственный конструкт, который формируется вместе с нацией. Он предстает как унифицированное средство

коммуникации в рамках национального сообщества. Это нормированный, стандартизированный язык, в основе которого лежит тот или иной разговорный диалект (как правило, столичный). Однако в результате литературной обработки и стандартизации этот язык неизбежно в той или иной мере удаляется от своей диалектной первоосновы. Нередко такой общенациональный язык испытывает влияние других наречий и диалектов, подвергается воздействию более развитых иностранных языков, из которых заимствуется специальная (иногда частично и общеупотребительная) лексика, терминология и т. п.

Таким образом возникает дистанция между литературным национальным языком и разговорными диалектами. Эта дистанция может быть различной. Если она невелика, то национальный стандарт, как правило, безболезненно ассимилирует диалектные отличия, либо же они сохраняются в том или ином виде, но не воспринимаются как проблема и угроза национальному единству. Однако если диалектные отличия от национального стандарта довольно глубоки, то может возникнуть вопрос: не является ли данный диалект отдельным языком, который может обрести самостоятельный национально-литературный стандарт? В логике языкового национализма общность языка – основа общности политической. Соответственно, обособление того или иного диалекта в отдельный язык также становится поводом для политических требований: как минимум – национальной автономии, как максимум – самостоятельного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (*REFERENCES*)

1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1996.
2. Послание к колоссянам св. апостола Павла // Православный календарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/bible/z_kol_3_12_16.html (дата обращения: 01.08.2016).
3. *Свадост Э.* Как возникнет всеобщий язык? М., 1968.
4. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
5. *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Belintellectuals. Интеллектуальное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belintellectuals.eu/publications/78/> (дата обращения: 01.08.2016).

*Статья поступила в редколлегию 01.09.2016.
Received by editorial board 01.09.2016.*